

В библиотеку ведут три двери, над каждой табличка. Взъерошенный парень в припорошенной снегом куртке стоит, запрокинув голову, и бубнит себе под нос:

– «Вход для читателей», «Вход для персонала», «Вход для писателей». Ага, вот он, нужный...

Дёргает одну из дверей и шагает в тёплое, гулкое помещение, оставляя за порогом разошедшуюся метель.

Напротив входа – тоскливый вахтёр за низкой конторкой. Увидев парня, он откладывает потрёпанную книгу, аккуратно снимает очки и с вызовом спрашивает:

– Здравствуйте, а вы к кому?

– Мне бы это... – посетитель нерешительно топчется у входа, отряхивая снег, – творческий вечер организовать. Книжка вот вышла.

– Кни-и-ижка, – растягивает вахтёр. – Так что ж вы раньше молчали, мил человек?..

Он вскакивает со своего места, опротясь бросается к посетителю, нет же – к гостю, едва не опрокинув стул. Начинает стягивать с пришедшего верхнюю одежду, подобострастно заглядывая тому в глаза.

– А вы, я извиняюсь, поэт или прозаик? – интересуется он, замирая в дверях гардероба с влажной от снега курткой в обнимку.

– Ну... Я стихи пишу.

– Пре-кра-сно! – тянет вахтёр, пропадает из виду, потом вновь появляется с номерком в руках, – вот, ваш номер – первый. Вы не подумайте, у нас часто проходят вечера поэтов. Вот сейчас пойдёте по коридору и на нескольких, возможно, натолкнётесь... Хорошо, что вас назначили к нам, ой как хорошо. Мы заявку на писателя товарищу Книгочееву отправляли на прошлой неделе... Чаю хотите? Может, кофе? Или водочки из горла? Ваши, говорят, любят этак выпить и потом песни петь.

– Нет, спасибо... А могу я с кем-то из библиотекарей пообщаться?

– Я тут за них сегодня, уважаемый. Можете со мной пообщаться, – вахтёр нежно гладит гостя по плечу, но тот отшатывается.

– Вы в каком литературном цеху числитесь, если не секрет? Из Ударно-патриотического? Или из Трогательно-лирического? У нас тут был недавно поэт из...

– Да... я нигде не числюсь.

Вахтёр замирает на полуслове, в движении, словно у него внезапно сели батарейки.

– Па-па-па-звольте, – заикаясь, переспрашивает он, – у вас что и пи-и-писательского браслета нет? И отметки в трудовой книжке?

– Конечно, нет, – гость, незванный наглый гость улыбается. – Я вообще слесарь по профессии, но стихи пишу. Хочу единомышленников встретить, читателя своего найти. Ну, знаете, как бывает.

– Ишь, чего захотел! – лицо вахтёра сводит судорогой. – Единомышленников ему подавай! Иди сюда!

Он размашисто шагает в гардероб, швыряет парню его куртку, затем молча проходит в широкий холл, где по стенам висят ровненькие ряды портретов. Все один к одному: одинаковые рамы, одинаковая одежда на людях, одинаково постные «заслуженные» лица.

– Узнаёшь, мерзавец?

– Кого?

– Их! – вахтёр порывисто тычет пальцем в ровные ряды унылых портретов.

– Ну, может, видел где-то на Ютубе.

– На Ютубе он видел! – сплёвывает и снова тычет пальцем в портреты, – Это пи-са-те-ли! Настоящие!

Парень пытается всмотреться в лица, но никого не узнаёт. Пушкина там нет, Гоголя тоже. Все портреты современные, вычищенные «Фотошопом». Ещё бы улыбки натянуть через ту же программу – и готово.

– Вот это, – срываясь на фальцет, сообщает тем временем вахтёр, – Афанасий Аскольдович Царелюбов. Поэт от бога! У него в трудовой книжке так и написано: «Поэт от бога», лауреат трёх золотых орденов Пушкиных с бантами и двух с бакенбардами. А это – Анна Иоанновна Анжеро-Судженская, прозаик. Заслуженный прозаик шестого разряда, между прочим. У неё за год выработка – две тысячи авторских листов. Она – полный кавалер ордена Донцовой и двух медалей «За верность жанру и фанатам».

Посетитель непонимающе смотрит на взбеленившегося собеседника.

– Что я сделал-то? Вообще ничего не понимаю...

– А, ну раз не понимаешь, – сквозь зубы шипит вахтёр, – то я объясню. Мне же другой заботы нет, как всяким графоманам объяснять...

Тебе, стихоплёт ты подзаборный, чтобы провести тут творческий вечер, надо сначала подать заявку в Министерство по делам писателей. Знаешь, где такое находится?

– Где?

– На Лубянской площади, в Москве. Там тебя проверят на благонадёжность, и если ты не из этих... – опасно оглядывается, – которым «выпало в империи родиться», то переведут тебя из слесарей в писатели. Заведут трудовую книжку, выдадут писательский браслет с маячком слежения. Только тогда ты – писатель, мил человек, только тогда! А сейчас ты – голь перекатная. Книжку твою, кстати, сожгут. Она ведь вышла без согласия редактора из Министерства? Точно сожгут. И выдадут разрешение на новую. Нужно будет отстоять в очереди год или два, но это мелочь – зато твои опусы редактор прочтёт, и если скажет, что это стихи – тогда выйдет книга. Но и это ещё не всё. Ты к нам вот так просто прийти не сможешь. На творческий вечер может дать разрешение только начальник Управления региональной подцензурщины, товарищ Книгочеев. И только так! А не назначит – жди. Всё ясно?

– Ясно, – слесарь с душой поэта тяжело сглатывает, – а где у вас писатели-то, раз они тут постоянно вечера проводят? Я живьём тут только вас вижу.

– А они не могут, им некогда. У них, милый ты мой, всё расписано. У них у каждого в графике два творческих вечера в месяц. Усёк? А за внеплановый вечер мы платить должны. Библиотека у нас бедная, поэтому мы копим на внеплановую презентацию книги Сорбита Аспартамова «Очерки о себе любимом». Ради этого весь персонал на полставки перевели, некоторых сократили. Я вот один сегодня. Но это ничего! У нас всё впереди...

Парень молча кивает и, накинув на плечи куртку, направляется к выходу.

– Эй, мил человек, у тебя фамилия-то какая? Я в журнале должен зафиксировать.

– Может, Бродский... Или Рыжий... Или Лермонтов... Не помню.